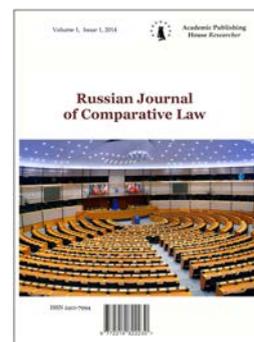

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russian Journal of Comparative Law
Has been issued since 2014.
ISSN 2411-7994
Vol. 2, Is. 2, pp. 60-70, 2014

DOI: 10.13187/rjcl.2014.2.60
<http://ejournal41.com>

UDC 347.447.72

Distinguishing the Institutes of Fundamental Change of Circumstances and Impossibility of Performance in Republic of Armenia Civil Law

Hayk G. Malkhasyan

Russian-Armenian (Slavonic) University, Armenia
123 Hovsep Emin str., Yerevan, 0051
PhD student
E-mail: hayk.g.malkhasyan@gmail.com

Abstract

The present article addresses the issue of distinguishing between concepts of fundamental change of circumstances and impossibility of performance in Armenian Civil Law. Both concepts are recognized by the civil law but yet remain distinct in their nature, apply different criteria for relief and entail differing consequences. Thus impossibility due to force majeure excludes debtor's responsibility for non-performance. Impossibility may also result in termination of the obligation. Whereas in the case of fundamental change the performance is not impossible, but excessively onerous and disbalanced due to an unforeseen and uncontrolled event. The fundamental change may result in termination or modification of a contract. In this sense the category of "economic impossibility" is analyzed, with the conclusion that it should not be recognized by the courts. Evidence is presented to support the argument that impossibility rules apply only in cases of physical or legal impossibility, whereas the fundamental change rules are applicable to instances of economic hardship due to unforeseen event.

Keywords: impossibility of performance, fundamental change of circumstances, force majeure, Republic of Armenia Civil Law.

Введение

Теории невозможности и существенного изменения обстоятельств существуют в мировой правовой науке весьма долгое время. Некоторые государства (например, ФРГ, РФ) признают оба этих института, другие (Франция) – лишь невозможность исполнения обязательства, не придавая значения изменению обстоятельств. Гражданское право Армении относится к первой группе право порядков, однако существует проблема разграничения сфер применения названных институтов. В этой связи будет изучен институт невозможности исполнения обязательства и рассмотрен вопрос соотношения его с категорией существенного изменения обстоятельств.

Материалы и методы

Работа подготовлена на основании изучения положений правовых актов РА, в особенности Гражданского Кодекса, судебной практики судов РА и РФ, а также научных трудов в сфере расторжения договора и невозможности исполнения обязательств. При

проведении исследования применялись общенаучный метод познания, а также частно-правовые методы, в особенности, метод сравнительного правоведения.

Обсуждение

ГК Республики Армения закрепляет доктрину изменения обстоятельств. Согласно п. 1 ст. 469 ГК существенное изменение обстоятельств, из которых стороны исходили при заключении договора, является основанием для его изменения или расторжения, если иное не предусмотрено договором или не вытекает из его существа. При этом изменение обстоятельств признается существенным, когда они изменились настолько, что, если бы стороны могли это разумно предвидеть, договор вообще не был бы ими заключен или был бы заключен на значительно отличающихся условиях.

Пункт 2 названной статьи устанавливает и критерии существенного изменения обстоятельств: 1) в момент заключения договора стороны исходили из того, что такого изменения обстоятельств не произойдет; 2) изменение обстоятельств вызвано причинами, которые заинтересованная сторона не могла преодолеть после их возникновения при той степени заботливости и осмотрительности, какая от нее требовалась по характеру договора и условиям оборота; 3) исполнение договора без изменения его условий настолько нарушило бы соответствующее договору соотношение имущественных интересов сторон и повлекло бы для заинтересованной стороны такой ущерб, что она в значительной степени лишилась бы того, на что была вправе рассчитывать при заключении договора; 4) из обычаев делового оборота или существа договора не вытекает, что риск изменения обстоятельств несет заинтересованная сторона.

Вместе с тем ГК РА не чужда и доктрина невозможности исполнения. Более того, последняя занимает преимущественное положение как с точки зрения изученности в доктрине, так и правоприменительной практике. Так, согласно ст. 411 ГК РА, лицо, не исполнившее или ненадлежащим образом исполнившее обязательство при осуществлении предпринимательской деятельности, несет ответственность, если не докажет, что надлежащее исполнение оказалось невозможным вследствие непреодолимой силы, то есть чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств. Ст. 432 ГК РА устанавливает в свою очередь, что обязательство прекращается невозможностью исполнения, если она вызвана обстоятельством, за которое ни одна из сторон не отвечает.

Основной идеей доктрины невозможности является идея о том, что к невозможному нельзя обязать. "*Impossibilium nulla obligatio*" - гласила известная римская максима. И хотя многие исследователи полагают, что правило это относилось лишь к некоторым видам договоров, комментаторы вывели из этого постулата идею о том, что аллогично предполагать наличие обязательства к невозможному, так как наличие обязательства предполагает и наличие возможности его исполнения [1].

В советской правовой литературе долгое время велись споры по поводу существования невозможности как самостоятельного правового института. Некоторые ученые отвергали самостоятельное значение категории невозможности. В частности, Д.М. Генкин отмечал, что невозможность исполнения может быть как невиновной так и виновной, следовательно невозможность, возникшая по вине должника не может повлечь освобождение его от ответственности. В свою очередь невиновная невозможность исполнения должником должна, по мнению Генкина, иметь различные последствия, например отсрочку исполнения если это возможно, а в иных случаях недействительность [2].

Парируя аргументы Генкина, В.А. Ойгензихт утверждал, что основанием для освобождения от ответственности является лишь невиновная невозможность не умаляет значения невозможности как самостоятельной категории. По мнению последнего, "невозможность исполнения" – это объективно существующее положение, в котором оказались стороны (сторона) вследствие обстоятельств, исключаящих реальное совершение действий в отношении предмета (предметов) обязательства" [3].

Последняя позиция выглядит наиболее обоснованной с точки зрения законодательства. ГК РА (ст. 432) как и ГК РСФСР 1964 г. (ст. 235) в свое время устанавливают, что невозможность исполнения прекращает обязательство, если невозможность вызвана обстоятельствами, за которые должник не отвечает. Таким образом, для того, чтобы применить соответствующую норму к конкретной ситуации необходимо, в первую очередь,

определить, является ли исполнение невозможным и, лишь получив положительный ответ, рассматривать вопрос о причинах такой невозможности.

Иными словами, рассматриваемое законодательное положение применимо при наличии двух критериев: а) исполнение невозможно; б) отсутствует причинная связь между невозможностью и поведением должника, за которое он несет ответственность в соответствии с законом или договором. Аналогичным образом выглядит ситуация с правилами об освобождении от ответственности вследствие воздействия непреодолимой силы, где также отдельно устанавливается, что исполнение должно стать невозможным. В подобной ситуации невозможность как правовая категория и получает свое самостоятельное значение.

Для того, чтобы раскрыть содержание категории невозможности следует в первую очередь определить является ли понятие невозможности субъективным или объективным. С этой целью § 275 ГГУ, например, указывает, что исполнение может быть невозможно для должника или для любого лица, тем самым определяя, что невозможность бывает субъективной - находящейся за рамками возможного для конкретного лица, и объективной - находящейся за рамками возможного для любого лица. При этом, однако, в доктрине преобладает мнение о том, что лишь при наличии объективной невозможности возникают соответствующие правовые последствия. Дж. Гродли, в частности, отмечает, что "как указывают комментаторы невозможность должна быть "объективной" или "абсолютной", а не "субъективной" или "личной" [1]. В свою очередь, Ф. К. Савиньи отмечал: "Невозможность коренится или в природе самого действия или в личном положении должника. Только первый вид невозможности (объективной), к которому и относится все изложенные соображения считается невозможностью. Второй вид (субъективная невозможность) не может служить оправданием для должника и не освобождает его, следовательно от вредных последствий связанных с произвольным неисполнением обязательства. Ни малейшему сомнению не подлежит приложение последнего вида невозможности к случаю, когда должник, обязавшись доставить известную сумму денег, не может исполнить обязательство по неимению ни наличных денег, ни кредита, так как деньги везде есть и обстоятельство, что этот должник не может доставить обещанного связано просто с его личным положением" [4, С. 263, 264]. Аналогичного мнения придерживался и Г. Ф. Шершеневич [5].

Несмотря на то, что указанное разделение часто встречается и в современной литературе [6], некоторые авторы считают его нецелесообразным с точки зрения практики. Так, Ойгензихт предпочитал классифицировать невозможность на абсолютную и релятивную (относительную) [3, С. 160]. Он же подразделял невозможность на фактическую и логическую, а также как физическую, юридическую, экономическую (хозяйственную) и этическую [3, С. 163].

Под физической невозможностью по его мнению следует понимать невозможность исполнения, вызванную "непреодолимыми естественными преградами к осуществлению исполнения обязательства, обусловленными как внешними, так и внутренними причинами, и равно относящимися к возможности производства личных действий субъектом, а также к существованию и целостности предмета обязательства, к исполнимости обязательства по времени, месту и другим условиям." [3, С. 165]

В. В. Бациев характеризует физическую невозможность как "невозможность исполнения обязательства в натуре, наступающая при гибели или при утрате должником владения индивидуально-определенной вещью, являющейся объектом неисполненного обязательства, а также при возникновении неисполнимости того чисто личного действия, которое должник обязался совершить по договору, имеющему своим предметом выполнение работ или оказание услуг" [7. С. 125-129].

Физическая невозможность признается как практически во всех современных парвопорядках, так и в праве РА. Все что нельзя исполнить из-за наводнений, землетрясений, оползней и прочих классических случаев форс мажора является по существу физической невозможностью. Так, например, решением Кассационного суда РА от 18 сентября 2009 года положения об освобождении от ответственности в силу воздействия непреодолимой силы были применены к ситуации, когда водоснабжающая организация была вынуждена отключить водоснабжение вследствие аварии на трубопроводе [8].

Физическая невозможность может возникнуть и во многих других случаях, например при отсутствии или нехватке наследственного имущества кредитное обязательство прекращается невозможностью исполнения полностью или в недостающей части наследственного имущества, так как, как известно, наследник отвечает по долгам наследодателя лишь в пределах стоимости перешедшего к нему наследственного имущества [9].

От физической невозможности отграничивается юридическая невозможность т. е. отсутствие возможности совершить некое действие вследствие отсутствия такой возможности в соответствии с применимым правовым регулированием. Юридическая невозможность также широко признается как основание для освобождения от ответственности/прекращения обязательства. Так например Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ установил, что “Согласно пункту 1 статьи 416 Кодекса обязательство прекращается невозможностью исполнения, если она вызвана обстоятельством, за которое ни одна из сторон не отвечает. В частности, одним из таких обстоятельств является прекращение обязательства в результате издания акта государственного органа (пункт 1 статьи 417 ГК РФ)...” [10]. Принятие такого акта, однако, не должно стать последствием противоправных действий самого лица. Последняя норма была также закреплена законодательно в п. 2 ст. 417 ГК РФ, согласно которой “обязательство не считается прекращенным, если издание акта органа государственной власти или органа местного самоуправления, повлекшее невозможность исполнения обязательства, вызвано неправомерными действиями (бездействием) самого должника.” [11; 12, С. 184]

Большинство специалистов склоняется к мнению о том, что лишь фактическая и юридическая невозможность исполнения является основанием для применения соответствующих норм о невозможности. Такого мнения придерживаются например А. М. Эрделевский [13], А. А. Павлов [14], В. В. Бациев [7] и другие авторы.

Особый интерес для нас в этом контексте представляет категория “экономической невозможности”. Согласно Ойгензихту, экономическая (хозяйственная) невозможность исполнения обязательства это “вызванная изменениями обстоятельств или их неправильным учетом нецелесообразность реального исполнения создающего угрозу нарушению хозяйственной и финансовой деятельности того или иного субъекта обязательства и в конечном итоге вступающего в противоречие с экономическими интересами социалистического государства” [3, С. 175, 176]. Если отбросить идеологическую составляющую последнего постулата, то получится утверждение о том, что субъект экономической деятельности должен быть освобожден от ответственности за неисполнение обязательства если вследствие изменения обстоятельств или заблуждения субъекта исполнение создает угрозу нарушения экономической деятельности должника, превращаясь таким образом в экономическую невозможность.

Подобная позиция является по существу отголоском концепции экономического форс мажора и связанных с ней доктин, некоторое время обсуждавшихся, а иногда и применявшихся на практике в континентальной Европе, в частности, Франции и Германии. Подобный подход следует считать несостоятельным как с точки зрения теории, так и современного законодательства. Как предостерегал еще А. В. Венедиктов, не следует смешивать понятие форс мажор (или *vis major*) со “специальными средствами защиты контрагента от значительных убытков, которыми грозят ему существенные изменения экономической конъюнктуры в условиях военного времени” [15, С. 22]. Более того, по мнению Бенедиктова, “сущность *vis major*, как института общей системы гражданского права, в том и заключается, что определенные - чрезвычайные и от воли должника не зависящие - обстоятельства создают для него невозможность выполнить взятое на себя обязательство. Поэтому-то и не возбуждает спора вопрос о пределах понятий фактической (или, правильнее, физической) и юридической невозможности. И в том, и в другом случае дело идет о таких явлениях, которые создают именно невозможность исполнения, делают исполнение договора вообще и совершенно невозможным, а не только затруднительным и тягостным для должника” [15, С. 23]. Венедиктов делает вывод о необходимости регулирования подобных случаев путем создания особого института, который бы во-первых не нарушал теоретической конструкции института непреодолимой силы, а во-вторых позволил бы наиболее точно урегулировать соответствующие отношения [15, С. 23]. Существование категории “экономической невозможности” отвергал и Я. А. Канторович

(“экономической невозможности как самостоятельного юридического понятия вообще не существует”) [16, С. 32].

Такого же мнения придерживается Бациев: “от невозможности исполнения следует отличать экономическую затруднительность исполнения, под которой понимается ситуация, когда исполнение фактически осуществимо, но при условии несения должником таких расходов, вызванных существенным изменением обстоятельств, которые от него не могут быть потребованы в силу принципа добросовестности осуществления прав. В данном случае речь идет о таких возникших после совершения сделки изменениях обстоятельств, которые фундаментально изменяют равновесие имущественных интересов сторон договора и риск наступления которых не был принят на себя должником [7]. Аналогичным образом обстоит ситуация и в большинстве европейских правопорядках. Как указывает в связи с этим Д. Таллон *force majeure* на сегодняшний день рассматривается лишь как способ разрешения ситуации полной невозможности, в то время как затруднение регулируется иными институтами [17].

Именно таким институтом и является институт изменения обстоятельств в современном позитивном праве РА и РФ. При этом, однако, следует иметь в виду и то обстоятельство, что одни и те же события могут служить основанием для применения как доктрины невозможности (в контексте правил о непреодолимой силе), так и норм об изменении обстоятельств. Так, например, та же война может стать непредвиденным и непреодолимым препятствием для исполнения обязательства невозможным. Она же может крайне ухудшить положение должника вследствие нарушения транспортного положения, торговли и т. п., сделав исполнение в крайней степени обременительным, но в то же время физически возможным.

В этой связи необходимо обратиться к правоприменительной практике. Как уже было отмечено, правоприменительная практика в РА весьма часто сталкивается с положениями о невозможности. Многие стандартные договоры содержат форс мажорную оговорку. Так, например, типовая форма договоров недропользования, утвержденная Постановлением Правительства РА № 437-Н от 22 марта 2012 года устанавливает, что “Стороны освобождаются от ответственности за полное или частичное неисполнение обязательств по договору, если это явилось следствием воздействия непреодолимой силы, которая возникла после заключения настоящего договора и которую стороны не могли предвидеть или предотвратить. Такими ситуациями являются: пожар, наводнение, землетрясение, буря или иные природные катаклизмы, а также взрывы, войны, террористические акты, гражданские войны, беспорядки, восстания, национализация и прочие случаи, делающие невозможным исполнение обязательств, установленных настоящим договором” [18]. Схожие оговорки содержатся во многих типовых договорах, используемых как государственными органами и органами местного самоуправления, так и физическими и юридическими лицами [19; 20].

Суды в РА также применяют названные нормы. Особый интерес для нас представляют два решения Кассационного Суда РА, относящиеся к одному и тому же делу. Дело относится к периоду распространения на территории РА африканской свиной чумы - вирусного заболевания, поражающего свиней со смертельным исходом. Фабула дела такова: в период между 2004-ым и 2007 годами ООО “Ландрас”, осуществлявшее предпринимательскую деятельность по разведению свиней (далее заемщик) заключило с ЗАО “Ардшининвестбанк” (далее кредитор) ряд кредитных договоров. В 2008 году кредитор обратился в суд с требованием о признании заемщика банкротом. Среди требований заемщика были в частности требования об уплате как сумм кредитов, так и начисленных за просрочку исполнения штрафов и пеней. Отказываясь признавать свою ответственность за неисполнение кредитных договоров заемщик указывал, что в 2007 году вследствие вспышки африканской свиной чумы на территории РА зафиксировано уничтожение свиней, в том числе 3000 голов, принадлежащих заемщику. Следствием этого стало тяжелое материальное положение заемщика, что и повлекло неспособность исполнения обязательства. На основании вышеизложенного заемщик требовал признать, что он не несет ответственности за неисполнение, так как указанные обстоятельства явились обстоятельством непреодолимой силы [21].

Кредитор же ссылаясь на положение договоров о том, что заемщик несет ответственность за неисполнение обязательства независимо от наличия его вины, в связи с чем утверждал, что заемщик несет ответственность за неисполнение.

Суд первой инстанции отверг мотивировку заемщика. Решение суда первой инстанции было оставлено без изменений апелляционной инстанцией. Однако Кассационный Суд РА встал на стороны заемщика. Согласно постановлению Кассационного суда РА от 17 апреля 2009 года: "...Согласно фактам настоящего дела надлежащее исполнение обязательства Обществом было невозможно вследствие непреодолимой силы, т. е. уничтожения 3000 голов свиней, принадлежащих Обществу вследствие зафиксированной в РА в 2007 году африканской свиной чумы. Вышеизложенное обстоятельство подтверждено Постановлением Правительства РА от 07.02.2008 г. № 84-А" [21].

Кассационный Суд РА далее постановил, что судом апелляционной инстанции не подвергнуты надлежащей оценке кредитные договоры, Постановление Правительства РА от 07.02.2008 г., переписка сторон и иные доказательства, и на основании вышеизложенного заключил, что если бы суд апелляционной инстанции подверг всестороннему, полному и объективному изучению доказательства по делу, то пришел бы к выводу о том, что "надлежащее исполнение кредитного обязательства Обществом было невозможно вследствие воздействия непреодолимой силы, при каких условиях Общество не может нести ответственность, и следовательно уплатить кредитору начисленные на основании договора штрафы" [21]. Кассационный Суд был вынужден вновь обратиться к рассмотрению названного дела в 2011 году. В решении от 27 мая 2011 года КС *inter alia* сослался на сделанные им же в предыдущем решении выводы [22].

Таким образом, Кассационный Суд распространил действие правил о непреодолимой силе на случай, когда исполнение кредитного обязательства стало невозможным для конкретного должника вследствие наступления экономических затруднений. Следует, конечно, согласиться, что экономические затруднения возникли вследствие распространения некоего заболевания, однако, распространение заболевания не может само по себе явиться форс мажорным обстоятельством. Оно должно быть непредвиденным и непредотвратимым. Сложно представить себе профессионального заводчика, не предвидящего возможность заражения скота. Кроме того, нет никаких сведений о невозможности предотвратить заражение. Как профессионал, заемщик должен был и имел возможность принять меры к предотвращению заражения (введение карантина, санитарной очистки и т. п.). Однако наибольший интерес представляет то обстоятельство, что суд признал исполнение кредитного договора, т. е. обязательства возратить денежные средства, невозможным к исполнению.

Как уже отмечалось выше, основанием для применения правил о невозможности исполнения является физическая или юридическая невозможность. О юридической невозможности не может быть речи, так как ни один правовой акт не препятствовал исполнению. Остается физическая невозможность, что крайне сомнительно, так как исполнение денежного обязательства, как и в целом обязательств по передаче вещей, определяемых родовыми признаками, не может стать невозможным.

Как указывал Савиньи, невозможность исполнения не может затронуть денежного обязательства [4, С. 263, 264]. Такого же мнения придерживается Бациев: "по общему правилу обязательства, имеющие своим предметом родовые вещи, не могут прекратиться вследствие физической невозможности исполнения" [7]. Аналогично мнение Е. А. Суханова [23], С. А. Степановой [24], Л. А. Лунца и И. Б. Новицкого [25]. Последние два автора особенно часто цитируются, так как их перу принадлежит высказывание о том, что "обязательство, имеющее своим предметом вещи, определенные родовыми признаками, лишь в исключительных случаях прекращается невозможностью исполнения, так как доказать полное отсутствие в обороте вещей данного рода обычно весьма трудно («род никогда не погибает»)" [25].

Аналогичной позиции придерживаются судебные органы РФ. Так согласно Постановлению Пленумов ВС РФ и ВАС РФ от 08.10.1998 N 13/14 "судам следует учитывать, что в соответствии с п. 3 ст. 401 [ГК РФ] ["Основания ответственности за нарушение обязательства"] отсутствие у должника денежных средств, необходимых для уплаты долга по обязательству, связанному с осуществлением им предпринимательской деятельности, не

является основанием для освобождения должника от уплаты процентов, предусмотренных ст. 395 [ГК РФ] [“Ответственность за неисполнение денежного обязательства”] [26]. Таким образом, невозможность исполнения денежного обязательства может существовать лишь в том почти невероятном случае, когда денежная масса отсутствует в обороте вообще.

Напрашивается вывод о том, что Кассационный Суд РФ в своей практике признал теорию экономического форс мажора. Такое положение может показаться непроблематичным; ведь в конце концов можно исходить из того, что цель законодательства в том и заключается, чтобы защитить лицо от неблагоприятных непредвиденных изменений, которые в том числе могут поставить его в тяжелое материальное положение, настаивая кредитор на исполнении. Однако это не совсем так.

Следует учитывать то обстоятельство, что экономическое затруднение законодателем урегулировано по иному, имеются иные критерии применения норм ст. 467 ГК РФ, и в конце концов наличны различные последствия и пути разрешения подобных проблем.

Так, как уже было отмечено выше, для применения правил п. 3 ст. 417 ГК РФ об освобождении от ответственности необходимо: а) чрезвычайное и непредотвратимое обстоятельство; б) невозможность исполнения обязательства; в) наличие причинно-следственной связи между чрезвычайным и непредотвратимым обстоятельством и невозможностью исполнения. В противовес этому для применения правил ст. 467 существуют совершенно иные критерии. Так, например, изменение обстоятельств может быть в принципе предотвратимым, например, предприниматель может предотвратить гибель товара от внезапного паводка, что потребует от него затрат значительно превышающих стоимость названного товара (при условии конечно, что предприниматель все же проявил необходимую заботливость и осмотрительность). Кроме того, при существенном изменении обстоятельств не может быть речи о невозможности исполнения - физической или юридической. К таким ситуациям необходимо применять положения п. 3 ст. 417 и ст. 432 ГК РФ, если это невозможность, за которую ни одна из сторон не отвечает; если же сторона ответственна за невозможность, то она и должна нести негативные последствия такой невозможности.

Кроме того, следует иметь в виду, что правила о существенном изменении обстоятельств не затрагивают вопрос ответственности за неисполнение. Они позволяют сторонам или суду изменить или расторгнуть договор, в то время как правила п. 3 ст. 417 ГК РФ рассматривают вопрос ответственности. В то же время положения ст. 432 ГК РФ не дают возможности изменить договор. Более того, различна и сфера регулирования двух норм, так как правила о невозможности применимы к обязательствам вообще, а правила об изменении обстоятельств лишь к договорам.

Имея в виду все вышеизложенное, вернемся теперь к конкретному делу рассмотренному нами выше. Не подлежит сомнению обстоятельство, что стороны при заключении договоров исходили из соображений о том, что свиньи, приобретенные на сумму кредитов не будут поражены чумой, и если бы они могли разумно предвидеть такое обстоятельство, то кредитор бы наверняка отказался от выдачи кредита, либо потребовал бы застраховать скот, или предоставить дополнительное обеспечение. Одним словом, стороны скорее всего не заключили бы договор, или заключили бы его на значительно отличающихся условиях. Однако на этом сравнительно определенный характер ситуации заканчивается, так как из материалов дела сложно сделать вывод о том, мог ли заемщик, проявив достаточную степень заботливости и осмотрительности, предотвратить распространение заболевания. Нет ответа на вопрос: был ли введен карантин, проводилась ли дезинфекция, регулярно ли проверялось здоровье животных, соблюдались ли санитарные нормы и т. п. Ответ на названные вопросы позволил бы определить возможность применения положений ст. 467 ГК РФ.

Кроме того, следует иметь в виду, что заемщик являлся предпринимателем, который брал кредит на разведение скота. Предполагается, что в таком случае предприниматель должен сам нести риски неуплаты долга, в том числе вследствие гибели предмета своей деятельности. Такой риск не может быть возложен на кредитора, так как является обычным риском предпринимательской деятельности заемщика, и именно заемщик находится в том положении, чтобы предотвратить такие риски.

Заключение

Подводя итоги, можно заключить, что положения п. 3 ст. 417 ГК РА об освобождении должника от ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства применимы лишь в тех случаях, когда исполнение стало физически или юридически невозможным. Таков и критерий для применения положений ст. 432 ГК РА, так как невозможность является самостоятельной правовой категорией и должна трактоваться единообразно. При применении названных положений следует иметь в виду, что экономическая невозможность не может быть основанием применения положений ГК РА о невозможности.

В частности, не может быть признано невозможным исполнение денежного обязательства или обязательства по передаче вещей, определяемых родовыми признаками, за исключением редких случаев полного отсутствия таких вещей в обороте.

В ситуациях, когда чрезвычайное событие сделало исполнение крайне затруднительным для должника, однако физически и юридически возможным, могут быть применены лишь правила об изменении обстоятельств, при условии соблюдения установленных в ст. 467 ГК РА требований.

Примечания:

1. Gordley J. *Impossibility and Changed and Unforeseen Circumstances* // *American Journal of Comparative Law*. 2004. 52. С. 513-530

2. Генкин Д. М. К вопросу о влиянии на обязательство невозможности исполнения // Сборник статей по гражданскому и торговому праву. Памяти профессора Габриэля Феликсовича Шершеневича. М. Статут, 2005. С. 176-201.

3. Ойгензихт В. А. Проблема риска в гражданском праве (часть общая). Душанбе. Ирфон. 1972. 225 с.

4. Савиньи Ф. К. Обязательственное право: пер. с нем. / Ф. К. Савиньи; пер. [и предисл.] В. Фукс и Н. Мандро. М., 1876. 600 с.

5. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Учебник русского гражданского права. Т. 1. / Г.Ф. Шершеневич. М. Бр. Башмаковы, 1914. 483 с.

6. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право: в 2 кн. М. Статут, 2001. Кн. 1 Общие положения. 428 с.

7. Бациев В. В. Практический комментарий отдельных положений главы 26 ГК РФ о прекращении обязательств (за исключением положений о зачете) // *Арбитражные споры*. 2007. N 4. С. 113-138

8. Decision of the Court of Cassation of The Republic of Armenian, dated 18.09.2009 on the case "Vagev" LLC vs. "Erevan Jur" CJSC, demanding restauration of water supply and demages, civil case EKD/0883/02/08 // <http://irtek.am>

9. Решение Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) Дело № 2-1280-15, Якутск, 18 февраля 2015 года

10. Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, Информационное письмо № 104 от 21 декабря 2005 г.

11. Федеральный Закон "О внесении изменений в Часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации" от 8 марта 2015 года N 42-ФЗ // pravo.gov.ru/laws/acts/19/52504510601047.html

12. Безик К. С. Реализация принципа добросовестности при регулировании прекращения обязательств / К. С. Безик // *Тенденции развития частного права: материалы Байкал. Междунар. правовой шк. пос. Большие Коты, Иркут. обл., 20-25 авг. 2012 г. Иркутск. Издательство Иркутского Государственного Университета*. 2012. С. 183-195.

13. Эрделевский А. М. Прекращение обязательств невозможностью исполнения // "Законы России: опыт, анализ, практика". 2007. N 8. С. 25- 31.

14. Павлов А. А. Некоторые вопросы учения о невозможности исполнения обязательств // *Очерки по торговому праву*. Вып. 11. Ярославль, 2004. С. 52 – 60

15. Венедиктов А. В. Война, рост цен и старые контракты // *Очередные вопросы финансовой и экономической политики*; Вып. 2. Пг, 1917. 40 с.

16. Канторович Я. А. "Невозможность" исполнения обязательств: (Отгиск из журнала "Право"). Петроград. Тип. Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон, 1917. 32 с.

17. Hartkamp A. S. (Editor). *Towards a European Civil Code, Second revised and expanded edition.* / Tallon D. Kluwer Law International, Hague/London/Boston, 1998, 652 p.
18. Republic of Armenia Government Decree N 437-N dated 22 March 2012 // <http://irtek.am>
19. Republic of Armenia Government Decree N 1421-N dated 1 November 2012 // <http://irtek.am>;
20. Mayor of Yerevan Ordonance N 2960-N dated 31 July 2014 // <http://irtek.am>
21. Decision of the Court of Cassation of The Republic of Armenian, dated 17.04.2009 on the case "Ardshininvestbank" CJSC vs. "Landras" LLC, demanding bankruptcy of the debtor, civil case EQD/0595/04/08 // <http://irtek.am>
22. Decision of the Court of Cassation of The Republic of Armenian, dated 27.05.2011 on the case "Ardshininvestbank" CJSC vs. "Landras" LLC, demanding bankruptcy of the debtor, civil case EQD/0595/04/08 // <http://irtek.am>
23. Суханов Е. А. Гражданское право. В 4-х томах. 3-е изд., перераб. и доп. "Волтерс Клувер" М. 2008. Том 3. 766 с.
24. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (учебно-практический). Части первая, вторая, третья, четвертая / Степанова С.А. (ред.) 2-е изд., перераб. и доп. М. Проспект; Екатеринбург: Институт частного права, 2009. 1504 с.
25. Лунц Л. А. Новицкий И. Б. *Общее учение об обязательстве.* М. Госюриздат. 1950. 416 с.
26. Постановление Пленумов Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 08.10.1998 N 13/14

References:

1. Baciev V. V. *Prakticheskij kommentarij otdel'nyh polozhenij glavy 26 GK RF o prekrashhenii objazatel'stv (za iskljucheniem polozhenij o zachete)* // *Arbitrazhnye spory.* 2007. N 4. S. 113-138
2. Bezik K. S. *Realizacija principa dobrosovestnosti pri regulirovanii prekrashhenija objazatel'stv* / K. S. Bezik // *Tendencii razvitija chastnogo prava: materialy Bajkal. Mezhdunar. pravovoj shk. pos. Bol'shie Koty, Irkut. obl., 20-25 avg. 2012 g. Irkutsk. Izdatel'stvo Irkutskogo Gosudarstvennogo Universiteta.* 2012. S. 183-195.
3. Braginskij M. I., Vitrjanskij V. V. *Dogovornoe pravo: v 2 kn. M. Statut, 2001. Kn. 1 Obshhie polozhenija.* 428 s.
4. Decision of the Court of Cassation of The Republic of Armenian, dated 18.09.2009 on the case "Vagev" LLC vs. "Erevan Jur" CJSC, demanding restoration of water supply and damages, civil case EKD/0883/02/08 // <http://irtek.am>
5. Decision of the Court of Cassation of The Republic of Armenian, dated 17.04.2009 on the case "Ardshininvestbank" CJSC vs. "Landras" LLC, demanding bankruptcy of the debtor, civil case EQD/0595/04/08 // <http://irtek.am>
6. Decision of the Court of Cassation of The Republic of Armenian, dated 27.05.2011 on the case "Ardshininvestbank" CJSC vs. "Landras" LLC, demanding bankruptcy of the debtor, civil case EQD/0595/04/08 // <http://irtek.am>
7. Federal'nyj Zakon "O vnesenii izmenenij v chast' pervuju grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii" ot 8 marta 2015 goda N 42-FZ // pravo.gov.ru/laws/acts/19/52504510601047.html
8. Genkin D. M. *K voprosu o vlijanii na objazatel'stvo nevozmozhnosti ispolnenija* // *Sbornik statej po grazhdanskomu i torgovomu pravu. Pamjati professora Gabrijelja Feliksovicha Shershenevicha.* M. Statut, 2005. S. 176-201.
9. Gordley J. *Impossibility and Changed and Unforeseen Circumstances* // *American Journal of Comparative Law.* 2004. 52. S. 513-530
10. Hartkamp A. S. (Editor). *Towards a European Civil Code, Second revised and expanded edition.* / Tallon D. Kluwer Law International, Hague/London/Boston, 1998, 652 p.
11. Jerdelevskij A. M. *Prekrashhenie objazatel'stv nevozmozhnost'ju ispolnenija* // *"Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika".* 2007. N 8. S. 25- 31.
12. Kantorovich Ja. A. *"Nevozmozhost" ispolnenija objazatel'stv: (Ottisk iz zhurnala "Pravo").* Petrograd. Tip. Akc. Obshh. Brokgauz-Efron, 1917. 32 s.

13. Lunc L. A. Novickij I. B. Obshee uchenie ob objazatel'stve. M. Gosjurizdat. 1950. 416 s.
14. Mayor of Yerevan Ordonance N 2960-N dated 31 July 2014 // <http://irtek.am>
15. Ojgenziht V. A. Problema riska v grazhdanskom prave (chast' obshhaja). Dushanbe. Irfon. 1972. 225 s.
16. Pavlov A. A. Nekotorye voprosy uchenija o nevozmozhnosti ispolnenija objazatel'stv // Ocherki po trgovomu pravu. Vyp. 11. Jaroslavl', 2004. S. 52 – 60
17. Postanovlenie Plenumov Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii i Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 08.10.1998 N 13/14
18. Prezidium Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federacii, Informacionnoe pis'mo № 104, Moskva, 21 dekabrja 2005 g.
19. Republic of Armenia Government Decree N 1421-N dated 1 November 2012 // <http://irtek.am>
20. Republic of Armenia Government Decree N 437-N dated 22 March 2012 // <http://irtek.am>
21. Reshenie Jakutskogo gorodskogo suda Respubliki Saha (Jakutija) Delo № 2-1280-15, Jakutsk, 18 fevralja 2015 goda
22. Kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii (uchebno-prakticheskij). Chasti pervaja, vtoraja, tret'ja, chetvertaja / S.A. Stepanova (red.). 2-e izd., pererab. i dop. M. Prospekt; Ekaterinburg: Institut chastnogo prava, 2009. 1504 s.
23. Savin'i F. K. Objazatel'stvennoe pravo: per. s nem. / F. K. Savin'i; per. [i predisl.] V. Fuks i N. Mandro. M. 1876. 600 s.
24. Shershenevich G.F. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava. T.1. / G.F. Shershenevich. M. Br. Bashmakovy, 1914. 483 s.
25. Suhanov E. A. Grazhdanskoe pravo. V 4-h tomah. 3-e izd., pererab. i dop. "Volters Kluver" M. 2008. Tom 3. 766 s.
26. Venediktov A. V. Vojna, rost cen i starye kontrakty // Ocherednye voprosy finansovoj i jekonomicheskopolitiki; Vyp. 2. Pg. 1917. 40 s.

УДК 347.447.72

Разграничение институтов существенного изменения обстоятельств и невозможности исполнения в гражданском праве Республики Армения

Айк Геворгович Малхасян

Российско-Армянский (Славянский) Университет, Армения
Ереван, 0051, ул. Овсепа Эмина 123
Аспирант
E-mail: hayk.g.malkhasyan@gmail.com

Аннотация. Настоящая статья рассматривает вопрос разграничения сфер применения институтов существенного изменения обстоятельств и невозможности исполнения в армянском гражданском праве. Оба института признаются гражданским провам, но имеют различную правовую природу, применяют различные критерии для защиты кредитора и имеют различные правовые последствия. Так, невозможность вследствие воздействия непреодолимой силы исключает ответственность должника за неисполнение. Невозможность также может повлечь прекращение обязательства. В то же время при существенном изменении исполнение не невозможно, но чрезмерно обременительно и непропорционально вследствие непредвиденного и неконтролируемого события. Существенное изменение может привести к изменению или расторжению договора. В этом ключе рассмотрена концепция “экономической невозможности” и достигнуто заключение о том, что судам не следует ее признавать. Автор обосновывается тезис о том, что правила о невозможности применимы лишь к случаям физической или юридической невозможности, в то время как правила о существенном изменении применимы к случаям экономического затруднения вследствие непредвиденного события.

Ключевые слова: невозможность исполнения, существенное изменение обстоятельств, force majeure, Гражданское право Республики Армения.